

— Батя, глянь, получилось! — раздался над оврагом звонкий мальчишеский голос, и Матвей, оглянувшись, едва заметно улыбнулся.

Его неугомонный отпрыск, получив в руки своё первое оружие, усердно тренировался, втыкая его во всё, что попадалось на глаза. Поленья, землю, стены сараев и тому подобные объекты, способные хоть как-то оказаться мишенью. Оружием являлся набор небольших метательных ножей. Именно их мальчишка выпросил себе на день ангела. Понимая, что приучать юного казака к клинку всё равно придётся, Матвей лично отковал ему пять метательных ножей.

Не больших и не особо тяжёлых, под детскую руку делалось, но всё равно отлично закалённых и на совесть отточенных. Пришлось к ним и портупею шить. Настоящую, из толстой кожи. Святослав, едва увидев это роскошество в руках отца, буквально взвился и, вырвавшись из рук бабки, бросился к отцу. Настасья, во внучке души не чаявшая, увидев подарок, чуть Матвею голову не откусила, но вовремя вмешался Григорий, умевший осадить жену буквально парой жёстко сказанных слов.

Вздыхая и что-то тихо бурча себе под нос, Настасья удручённо вздохнула и, махнув рукой,

с гордым видом отправилась на кухню, умудряясь даже спиной выражать своё отношение к подобным подаркам. Катерина, проводив её взглядом, только вздохнула и, улучив момент, тихо спросила, прижимаясь к мужу:

— Матвей, а не рано ему такое? Дитё ведь ещё неразумное. Не приведи господь, случаем порежется.

— Самое время, милая, — упрямо качнул Матвей чубом. — А порежется, невелика беда. Зато крепче помнить будет, что клинок это не игрушка и его носить с вежеством полагается. А пораниться он и просто на улице может. Вон, через плетень ползет и поцарапается. Так что ж теперь, его и вовсе науке воинской не учить?

Катерина, беременная уже третьим ребёнком, только тяжело вздохнула и, махнув рукой, проворчала:

— Ладно. Сыны то твоя забота. А вот уж девки, не обессудь, только моими будут.

— Это как так? — деланно удивился Матвей. — А батьку, выходит, при таком раскладе и вовсе по боку? А кто ж тогда её баловать станет?

— Да ну тебя, зубоскал, — улынулась Катерина, тяжело отдуваясь.

Стояла ранняя осень, но солнце ещё жарило по-летнему, так что даже в хате, за толстыми стенами, всё равно было душно. Младший Елисей, прошлёпав босыми пяточками по полу, подобрался к брату и, потянувшись, попытался вытащить из портупеи нож. Святослав, вовремя заметив эту попытку, успел развернуться и убрать подарок подальше от цепких ручонок младшего брата. Елисей обиженно надулся и, засопев, с силой толкнул брата, явно решив добиться своего любым путём.

— Так, голоштанная команда, а ну не драться, — строго осадил Матвей сынов. — Вы ж братья. Разве ж так можно?

Надувшись ещё сильнее, младший ткнул пальцем в португую и, глядя на отца с откровенным вызовом, решительно потребовал:

— Дай.

— Я те сейчас по заднице дам, паршивец, — пряча улыбку, пообещал Матвей, которому характер младшего отпрыска очень сильно кое-кого напоминал. — Научись прежде в руках не путаться.

Сказано это было не просто так. Елисей умудрялся пользоваться обеими руками одинаково ловко, что порой вызывало некоторую путаницу. Судя по всему, мальчишка родился амбидекстером. Человеком, умеющим пользоваться обеими руками одинаково. Катерина по этому поводу сначала беспокоилась и даже порывалась в церковь сбежать, но Матвей, который о подобных умениях отлично знал, сумел успокоить жену, переключив её внимание на обычные домашние дела.

Святослав, названный в честь старого пасечника, окинул брата задумчивым взглядом и, вздохнув, спросил, повернувшись к отцу:

— Бать, а может, ему деревянные ножи вырезать? Не уймётся ведь.

— Рано ещё, — решительно качнул Матвей головой. — А ты, чтоб соблазну не было, держи свои ножи всегда при себе. А коль не надобны, так убирай, чтобы не добрался. Теперь это твоё оружие и тебе за него ответ нести. Вот чуть постарше станешь, я тебе ещё и кнут сплету. Пора уж серьёзно обучаться.

— Верно сказал, сын, — одобрительно кивнул Григорий, расправляя седые усы. — На то и казаки,

чтобы службу знать. А без оружия и службы никакой не получится.

— А стрелять когда учить станешь? — тут же спросил Святослав, полыхнув загоревшимся от радости взглядом ярко-синих, как у матери, глаз.

— А вот как научишься палку с кирпичами в руках удерживать, так и начну, — твёрдо пообещал Матвей. — Ты пойми, сын, что карабин, он сам по себе тяжёлый, и чтобы из него в цель попасть, его потребно в руках держать твёрдо. Про отдачу я уж и не вспоминаю. Она у карабина крепкая. Так что, хочешь стрелять, учись его крепко в руках держать и на цели удерживать.

Эта история началась за полгода до нынешнего дня. Святослав умудрился достать отца просьбами научить стрелять. Так что Матвею пришлось вырезать из доски полноразмерный макет трехлинейного карабина. Вручив его сыну, он с усмешкой несколько минут наблюдал, как мальчишка, пытаясь, пытается приложить его к плечу, а после, обвязав верёвкой половинку кирпича, подвесил его под ствол. Само собой, на этом все попытки целиться и закончились.

Вынеся из дому свой карабин, Матвей, медленно действуя, показал сыну, как правильно прикладывать его к плечу и наводить на цель, после чего подробно объяснил, для чего нужна вырезанная деревяшка. Внимательно выслушав отца, Святослав удручённо вздохнул и, сообразив, что без такого обучения настоящего карабина вообще не получит, принялся тренироваться. Вообще, физическому развитию сына Матвей уделял особое внимание. Тут было и обливание холодной водой, и бег вокруг станицы, и гимнастика с элементами растяжки.

К верховой езде мальчишку начали приучать, едва только он научился ходить. Так что в седле Святослав держался не хуже любого степняка. Выделенный ему для обучения Сивка, косматый жеребец, отбитый когда-то Матвеем у степняков, сносил все ошибки ребёнка спокойно, словно понимая, что его юный наездник только учится. Матвей даже седло сыну сделал, не пожалев на это времени и материалов. Катерина, в то время носившая Елисея, только головой качала, вздыхая и тихо ойкая, когда сын падал с коня.

Зато теперь Святослав держался в седле с небрежностью опытного кавалериста, научившись управляться даже с Буяном. Высокий, сильный жеребец, принадлежавший Матвею, то и дело учинял какую-нибудь каверзу, заставляя всё семейство дружно вздрагивать, когда на его спине находился Святослав, но очень скоро мальчишка научился управляться и с ним. Скачку, джигитовку, даже основы рубки с седла преподавал ему Григорий.

В общем, мальчишка рос крепким, смыслённым и весьма рассудительным. Не забывал Матвей и про обычные детские забавы, понимая, что нельзя постоянно грузить ребёнка только учёбой. Ему требуется время и на обычные игры со сверстниками. Единственное, чего кузнецова семья не воспринимала напроочь, так это жалобы, что его кто-то обидел или побил. В таких случаях ответ был только один:

— Побили, так пойдя и побей их сам.

В этом случае так отвечали даже женщины. Катерина, отправляя сына на очередной бой, прятала мокрые от слёз глаза, но не сдавалась, отлично понимая, что иной жизни у них и быть не может.

Младший Елисей, едва научившись ходить, потянулся за старшим братом, хоть и не поспевая, но упрямо пытаюсь догнать. Это было и смешно, и умилительно. Святослав, то и дело сердясь на брата за задержки, быстро научился терпеть и, беря его за руку, вёл за собой.

— Вы одной крови, — регулярно повторял им Матвей, пока мать смазывала мальчишкам разбитые в играх коленки и локти.

В общем, семья жила весело, хоть и не так просто, как могло казаться. Григорий, списанный из реестра по возрасту, в кузне своей только не ночевал, явно переживая за сына, когда Матвей в очередной раз отправлялся в разъезд или патруль. Но бог миловал. За всё время службы его несколько раз доставали, но все раны были не более чем царапинами. Что ни говори, а окраинные земли империи никогда не были спокойными. Так что бывало всякое.

Стычки с горцами и степняками, схватки с контрабандистами и просто разбойниками, которые решили, что в таком беспокойном регионе, как предгорья Кавказа, и их делишкам место найдётся. В общем, как говорится, каждой твари по паре. И со всей этой нечистью приходилось бороться именно казакам. Ведь по уложению о казачьем воинстве, именно для этого им и полагались различные вольности.

* * *

Загнав Буяна в денник, Матвей сполоснул руки в бочке с водой и, устало вздохнув, задумчиво оглядел двор. Вроде всё прибрано, всё лежит на своих местах, и даже куры в загоне, а всё одно

свербит что-то на душе, словно что-то упустил важное и никак не можешь вспомнить, что именно. Заглянув в кузню и убедившись, что помощи отцу не требуется, он уселся на лавочку у крыльца и, откинувшись на стену, попытался понять, кой чёрт не даёт ему покою.

Вроде бы всё идёт, как обычно. Сев по весне, работа в кузне, осенняя страда, после ярмарка, походы за грибами и ягодой, сбор орехов. Но всё равно чего-то не хватало. Служба? Так тут вроде тоже всё равно. Выезды в патрули и разъезды. Редкие стычки со степняками. Иногда и с горами. Вроде тоже ничего нового. Войной живём, с войны кормимся. И словно в ответ на его мысли в грудь коротко толкнуло. Вот оно. Война!

Тогда, в девятьсот четвёртом, их война на Дальнем Востоке не задела. Там крепко морякам досталось. Ну и пехоте, само собой, с казаками забайкальскими. Но тем меньше, а самое обидное, что господа генералы умудрились и тут обделаться. Продали и предали всё, что только можно было. Особенно господа промышленники. Эти воровали так, что только мошна трещала. Уж про телеграммы японскому императору Матвей хорошо помнил. После была первая революция в девятьсот пятом, ещё куча каких-то бунтов и восстаний, но всё это было в столице.

Тут, в степи, всё шло обычным укладом. Было, конечно, несколько дурных приказов, но казаки, по извечному служивому правилу, исполнять их не торопились. Пусть прежде в столице горячие головы охолонут и сами разберутся, чего понаприказывали. А уж они своё дело знают туго. Возникни нужда, встанут конно и оружно, как по уложению и положено. На том весь век воинство казачье

и держится. Была ещё попытка то самое уложение отменить, но тут атаманы казачьи быстро тем отменяльщикам головы на место поставили.

Просто напомнили, что казаки это отдельное вооруженное сообщество, способное и без всяких регулярных войск власть в столице сменить. Тем более что отдельных казачьих полков там и так хватало. На том и успокоились. Зато примерно в девятьсот седьмом началась странная замятня на Ближнем Востоке. Какая-то там Антанта принялась пирог делить. А под эту сурдинку местные принялись друг дружку резать так, что никакой войны не надо. Сами управятся. В Персии, к примеру, всё шло к гражданской войне.

Опытные ветераны, регулярно беседуя с купцами из тех земель, только головами качали, отлично понимая, что очень скоро таким макаром вся эта буча может и до границ империи докатиться. Так что молодую смену казачат готовили серьёзно. И экзаменацию они сдавали куда как жёстко. Самому Матвею пришлось взять на себя обучение казаков пластунским ухваткам и метанию ножей. Как оказалось, лучше него в этом деле в станице и не было.

Так что три раза в седмицу он выезжал за околицу на луг, где были установлены мишени для ножей, и принимался обучать парней всему, что сам умеет. Казачки, понимая, что эти приёмы могут сохранить им жизни, учились от души, можно сказать, истово. Тем паче что приказ об этом обучении поступил от станичных старшин. А с этими людьми лучше не спорить. Разом в бараний рог свернут.

Припомнив некоторые эпизоды обучения молодёжи, Матвей невольно усмехнулся. Гонор по-

началу им пришлось отшибать в буквальном смысле кулаками. Зато потом, сообразив, что это не баловство, учиться парни начали всерьёз. Мысли его снова вернулись к возможной войне на границе России, и оберег, который он носил не снимая с того дня, как схоронили деда Святослава, снова толкнулся в грудь. По всему выходило, что мыслил он в верном направлении.

Оберег этот был не просто памятью о старом казаке, являвшемся Матвеем родичем в дальнем колене, а ещё и ниточкой, связывавшей его со старым, уже почти забытым божеством, Перуном, считавшимся в старые времена основателем рода человеческого и покровителем всех воинов, защищавших свою землю. Недаром оберег этот назывался громовой стрелой и был сделан из кремня в виде наконечника стрелы. Кремень — камень воинов.

Пять таких же наконечников хранилось в старой шкатулке, полученной Матвеем от самого Святослава. Для его будущих сыновей. Так сложилось, что Матвей, оказавшись в этом мире, стал наследником старика в воинском искусстве и, как следствие, был посвящён самому Перуну. Ведь это именно его усилием парень в этом мире и оказался. В общем, история эта была настолько странной и запутанной, что без ящика спиртного и учёной степени по физике в ней не разобраться.

Осознав, что мыслит в верном направлении, Матвей снова принялся анализировать происходящее на границах. По всему выходило, что добром всё это не кончится. Впрочем, в стране и так творилось чёрт знает что. Особенно в столице. В моде были всякие оккультисты, медиумы и прочие мошенники, душившие головы местным богатеям, не знавшим, чем себя занять. Вспомнив про

окультные науки, Матвей невольно улыбнулся, припомнив фильм из своего прошлого, про известного графа.

Вот уж где был яркий пример ловкого мошенника. И ведь не придерешься. Захотел каменную бабу, получи. А что не очень на оригинал похожа, так тут уж извини, высшие силы и не такое изменить могут по своему усмотрению. От размышлений его отвлекла Катерина. Выйдя на крыльцо, жена с удивлением посмотрела на сидящего мужа и, недоумённо хмыкнув, лукаво улыбнулась:

— Умаялся, сердешный?

— Подумать решил, пока время есть, — усмехнулся Матвей в ответ. — Случилось чего, Катюша?

— Нет. Вышла глянуть, где тут благоверный мой застрял. Вроде ушёл коней обиходить, и словно сгинул. Вот и решила посмотреть, может, уже куда к зазнобе удрал, — тут же поддела его Катерина.

— Ох, договоришься ты у меня, милая. Точно выпорю, — шутливо пригрозил Матвей, поднимаясь на крыльцо.

— Напужал, — фыркнула молодая женщина. — А то я вожжей не пробовала. Бывалоча, батька за баловство так окатит, что и присесть страшно.

— Так то батька. Уж прости, но батя твой, царствие ему небесное, супротив меня хлипковат был, — рассмеялся Матвей, поигрывая литыми плечами молотобойца.

— Да уж, — протянула Катерина, окидывая мужа долгим, жарким взглядом, от которого у него даже на загривке шерсть вздыбилась. — И куда тебя только прёт? Я уж устала одежду перешивать.

Он и вправду, начав матереть, приобрёл такую раму, что даже соседи иной раз диву давались.